УДК 81’33
DOI: 10.18384/2310-712X-2023-3-57-71

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ИНФОРМАЦИОННОЙ ВОЙНЫ: СТРУКТУРНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ И УРОВНИ ВОЗДЕЙСТВИЯ

Приходько М. В.
Военный университет имени князя Александра Невского
Министерства обороны Российской Федерации
125047, г. Москва, ул. Большая Садовая, д. 14, Российская Федерация

Аннотация
Цель: сформулировать и описать элементы и уровни воздействия на реципиентов в рамках лингвистической модели информационной войны с точки зрения когнитивно-дискурсивного подхода.
Процедура и методы. Основное содержание исследования составляет обобщение теоретического опыта исследований. В качестве методов практического исследования используется лингвопрагматический анализ, критический дискурс-анализ, лингвокогнитивный анализ.
Результаты. В результате анализа предложена многоуровневая модель информационной войны, разделяющаяся на стратегический, оперативный, тактический и инструментальный уровни. Информационное воздействие на концептуальную картину мира характеризуется как комплекс языковых приёмов, методов, дискурсивных тактик и стратегий для достижения цели изменения концептуальной картины мира.
Теоретическая и/или практическая значимость определяется вкладом в системное описание информационной войны как когнитивно-дискурсивного феномена, разработкой уровневого подхода к её исследованию, развитием методики изучения когнитивного воздействия в рамках информационной войны.

Ключевые слова: информационное воздействие, информационная война, коммуникативная тактика, коммуникативная стратегия, концептуальная картина мира

LINGUISTIC MODEL OF INFORMATION WAR: STRUCTURAL ELEMENTS AND IMPACT LEVELS

M. Prikhodko
Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation
ulitsa Bolshaya Sadovaya 14, Moscow 123001, Russian Federation

Abstract
Aim. To formulate and describe the elements and impact levels on recipients within the framework of the linguistic model of information war from the point of view of the cognitive-discursive approach.
Methodology. The main content of the article is the generalization of the research theoretical experience. Linguo-pragmatic analysis, critical discourse analysis, linguo-cognitive analysis are used as the methods of practical research.
Results. As a result of the analysis, a multi-level model of information war is proposed, which is divided into strategic, operational, tactical and instrumental levels. The information impact on the conceptual picture of the world is characterized as a set of language techniques, methods, discursive tactics and strategies to achieve the goal of changing the conceptual picture of the world.

© CC BY Приходько М. В., 2023.

Research implications. The theoretical and/or practical significance is determined by the contribution to the systemic description of information warfare as a cognitive-discursive phenomenon, the development of a level approach to its study, the development of a methodology for studying cognitive impact within the framework of information war.

Keywords: information impact, information war, communicative tactics, communicative strategy, conceptual picture of the world

Введение

Информационная война является исторически сложившейся формой борьбы, основную роль в которой играет информация и способ её передачи. Благодаря развитию научного знания человечество сформировало новое понимание информационной войны, которое позволяет трактовать её сущность исходя из формы, которую приобретает информация: программный код, команда, информационное сообщение и т. д. Сетевой формат информации предполагает новый формат информационного воздействия, а именно интернет-войны, ведение которых, по мнению некоторых исследователей, «сопровождается такими же агрессивными средствами, как и при традиционной войне» [16, с. 75].

При этом вопросы, связанные с информацией, представленной с помощью языковых знаков, долгое время оставались неизученными. Благодаря развитию научного знания в последние несколько лет сформировалось новое научное направление – лингвистика информационно-психологической войны, предметом исследования которой становятся механизмы комплексного воздействия на сознание массовой аудитории. Так, современная информационная война с позиции лингвистики характеризуется таким противостоянием сторон, при котором под ударом оказываются концептуальные картины мира представителей разных лингвокультур.

За короткое время существования в лингвистике нового научного направления, занимающегося исследованием информационно-психологической войны, сформировался ряд подходов в её изучении. При этом отсутствие единого подхода в изучении информационно-психологической войны и текстов, используемых для ведения информационного воздействия, возбуждает интерес к углублённому изучению данного феномена как системы, что и определяет цель нашего исследования. В данной работе мы вслед за А. П. Сковородниковым, А. В. Колмогоровой и Г. А. Копниной допускаем относительную тождественность понятий информационно-психологической и информационной войны, определяя информационную войну как более широкое понятие по сравнению информационно-психологической войной [9, с. 11].

Итак, для достижения основной цели нашего исследования предлагается последовательное решение ряда задач. Во-первых, необходимо проанализировать и описать сложившиеся взгляды на структуру информационной войны. Далее, целесообразно сфокусировать внимание на представляющих для нас наибольший интерес дискурсивном и когнитивном подходах и описать информационную войну с учётом этих двух подходов. Третьим этапом предлагается ввод лингвистической модели информационной войны как когнитивно-дискурсивного феномена с последующим её описанием. Завершающий этап предполагает приведение иллюстрирующих языковых примеров проанализированного текста на китайском языке в целях репрезентации предложенной модели.

Информационная война как иерархическая многоуровневая система

Информационное воздействие как основной процесс, осуществляемый в рамках информационной войны, представ-

ляет собой структурно сложное явление, характеризующееся воздействием с помощью языковых средств на сознание человека на разных уровнях. Характеристики такого воздействия отличаются в зависимости от уровня и степени, однако подчиняются общей логике. Для того чтобы сформировать собственный подход к описанию модели информационной войны, предлагается рассмотреть существующие взгляды на информационное воздействие.

Так, А. П. Сковородниковым, А. В. Колмогоровой и Г. А. Копниной была разработана «стратегически-тактическая система» организационной структуры информационной войны [9, с. 47]. По мнению исследователей информационная война осуществляются на тактическом и стратегическом уровнях за счёт использования речевых стратегий, субстратегий и тактик для воздействия на выбранные мишени, то есть на «понятия и представления о связанных с объектом сторонах действительности, которые подвергаются негативной оценке для оказания давления на объект» [9, с. 15]. Очевидно, что речь идёт о воздействии на определённую концептосферу с целью внесения изменения в концептуальную картину мира реципиента.

По мнению учёных, иерархические отношения между уровнями планирования коммуникации выстраиваются сверху вниз: стратегия – субстратегия – тактика. При этом речевая стратегия рассматривается как «общий мыслительный план, или общая психологическая линия речевого поведения, определяемая интенцией и коммуникативной целью (целями) говорящего/пишущего на основе осознания коммуникативной ситуации как совокупности факторов, влияющих на планирование и реализацию речевой коммуникации (время и место коммуникации, интенции участников коммуникации, их профессиональные, возрастные, гендерные, этнические характеристики, социальные статусы и роли, особенности характера, тип межличностных отношений, эмоциональное состояние и другие факторы)»; под субстратегиями учёные понимают «видовые реализации какой-либо общей (родовой) стратегии»; тактика рассматривается как «речевое действие (речевой акт или несколько взаимосвязанных речевых актов), соответствующее тому или иному этапу в реализации речевой стратегии и направленное на решение частной коммуникативной задачи этого этапа. Использование речевой тактики или некоторой их совокупности призвано обеспечить осуществление речевой стратегии и, в конечном итоге, достижение коммуникативной цели говорящего/пишущего» [9, с. 44–45]. Описывая релевантные характеристики существующего многообразия стратегий, субстратегий и тактик, учёные приводят соответствующую схему, которая отражает иерархические отношения между данными уровнями (см. рис. 1).

О. С. Иссерс, рассматривая понятия речевых стратегии и тактики в лингвистике, согласна с утверждением о том, что речевая стратегия – это «совокупность речевых действий, направленных на решение общей коммуникативной задачи говорящего» [5, с. 96], при этом под тактикой подразумевается «одно или несколько действий, которые способствуют реализации стратегии» [5, с. 110]. Исследователь приводит собственное определение коммуникативной стратегии – «когнитивный план общения, посредством которого контролируется оптимальное решение коммуникативных задач говорящего в условиях недостатка информации о действиях партнера» [5, с. 100]. Таким образом, согласно О. С. Иссерс, структура планирования коммуникации в ходе информационной войны, с учётом реализации коммуникации в речи, может быть оформлена в виде схемы, представленной на рис. 2.

О. С. Иссерс замечает, что «целью любой речевой стратегии является коррекция модели мира адресата», что достигается путём «введения в разговор

Рис. 1 / Fig. 1. Иерархическая структура информационной войны / Hierarchy of Information War

Источник: [9, с. 47]

Рис. 2 / Fig. 2. Структура планирования коммуникации в ходе информационной войны / The structure of communication planning during the information war

Источник: составлено автором

своих интерпретаций» [5, с. 109]. Такое утверждение позволяет сделать вывод о том, что главной целью коммуникативной стратегии является воздействие на концептуальную картину мира.

Другая система, предложенная А. В. Манойло, предполагает иную структурную организацию информационной войны (далее – ИВ). Учёный выделяет следующие уровни, расположенные сверху вниз: стратегический – оперативный – тактический – инструментальный. Основной особенностью такого устройства является его иерархичность, при этом каждому уровню соответствует определённая организационная форма и цель, направленная на реализацию единой стратегии (см. табл. 1) [11, с. 77].

Модель А. В. Манойло представляется актуальной с точки зрения выделения в ней четырёх структурных уровней: стратегического, оперативного, тактического и инструментального. При этом содержательное описание уровней отражает взгляд на информационную войну как на явление социально-политическое и психологическое, при этом значимая роль языковых процессов не учитывается в полной мере. Модель информационной войны, предложенная А. П. Сковородниковым, А. В. Колмогоровой, Г. А. Копниной и О. С. Иссерс, напротив, является исключительно «лингвоцентричной», так как опирается на описание информационной войны как коммуникативного явления.

Таким образом, исследование информационной войны носит междисциплинарный характер, что предполагает необходимость её изучения с учётом разных подходов для наиболее полного понимания её характерных структурных и организационных особенностей. Кроме того, отметим значимость рассмотрения коммуникативных тактик (субстратегий) и стратегий, отражающих последователь-

Таблица 1 / Table 1

Организация ведения информационной войны / Organization of information warfare

Уровни ведения ИВ	Организационная форма	Цель
Стратегический	Информационная война	Военное поражение противника. Может достигаться либо уничтожением, либо подчинением его воли.
Оперативный	Информационная операция	Внедрение в сознание и подсознание человека программных установок на следование определённой модели поведения, выгодной организаторам информационной операции.
Тактический	Информационная атака	Внедрение в сознание и подсознание человека программных установок на совершение немедленного ответного действия – как правило, в ответ на сигнальный импульс со стороны какого-либо внешнего раздражителя.
Инструментальный	Отдельные способы, методы и инструменты информационно-психологического воздействия	Получение немедленной ответной реакции на внешний информационный импульс-раздражитель (по принципу стимул-реакция).

Источник: [11]

ное информационно-психологическое воздействие.

Информационная война как когнитивно-дискурсивный феномен

Необходимо указать, что в рамках нашего исследования информационная война рассматривается в качестве такого противостояния сторон, для которого характерно воздействие на концептуальную картину мира целевой аудитории с целью внесения в неё изменений или создания новых концептов. Такой взгляд на изучаемый феномен коррелирует с мнением Л. В. Коцюбинской, которая рассматривает информационную войну как «информационное воздействие на общественное (массовое) сознание с целью внесения изменений в когнитивную структуру, с тем чтобы в дальнейшем получить изменения в поведенческой структуре», предлагая сфокусировать основные усилия на изучении понятий «языковой личности» и «когнитивных структур» [10, с. 95].

Рассуждая об информационной войне, невозможно не учитывать её коммуникативный характер, который имеет ряд специфических черт. С одной стороны, информационная война опирается на дискурс как на «единство вербальных и невербальных средств коммуникации» [8, с. 27]. С другой стороны, информационная война подразумевает «информационно-коммуникативное воздействие на когнитивную систему человека или группу людей, способное привести к изменениям в структуре индивидуального или массового сознания, картины мира и характере социальных отношений» [8, с. 29]. Поскольку оба этих аспекта информационной войны имеют большое значение, целесообразно учитывать их оба одновременно. В этой связи изучим сложившиеся взгляды на информационную войну в аспекте её дискурсивной и когнитивной основ и попытаемся объяснить данный феномен с точки зрения теории дискурса и когнитивной лингвистики.

Дискурсивный подход. Данный подход определяет тесную связь информационно-психологического воздействия с коммуникацией, поскольку, согласно взглядам Т. ван Дейка, «дискурс» рассматривается как определённое коммуникативное событие: «Дискурс … является сложным единством языковой формы, значения и действия, которое могло бы быть наилучшим образом охарактеризовано с помощью понятия коммуникативного события или коммуникативного акта» [2, с. 121–122].

Вместе с тем нельзя не вспомнить классическое определение Н. Д. Арутюновой, где дискурс – «это связный текст в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами; текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное воздействие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах)» [1, с. 136–137].

По мнению О. И. Калинина, «дискурс представляет собой сложное коммуникативное явление, которое включает в себя и социальный контекст, дающий представление как об участниках коммуникации (и их характеристиках), так и о процессах производства и восприятия сообщений» [6, с. 15].

Так, основные характеристики дискурса как социокультурной коммуникации, обусловленной экстралингвистическими факторами, предполагают, что разные типы дискурсов будет являться доминирующей формой информационной войны, так как последняя одновременно отражает и меняет социальный контекст. В этой связи учёт экстралингвистических факторов, равно как и прагматического аспекта информационного воздействия, представляется важным при исследовании конкретных аспектов информационной войны.

Л. Н. Синельникова, рассуждая об информационной войне и роли дискурса в ней, считает, что «информационная война – прежде всего вербальная война … война языковых знаков как война дискурсов» [15, с. 99]. Исследователь рассматривает политическую коммуникацию в качестве основного ресурса для поиска эмпирического материала исследования и призывает «проводить дискурсивные исследования в данной области, что позволит нацелить фокус внимания на особые языковые проявления и свидетельства в когнитивно-психологическом и прагматическом аспектах» [15, с. 95].

При рассмотрении информационной войны как дискурсивного явления нельзя не согласиться с тем, что одним из наиболее действенных способов анализа текстов манипулятивного информационного воздействия является дискурс-анализ, «который позволяет определить выраженную вербальными и невербальными средствами концептуальную связь между мишенью информационной атаки и внеязыковой сущностью, к которой она приравнивается» [3, с. 51; 4].

Очевидно, что информационная война является объектом исследования дискурсивной лингвистики. Анализ имеющихся научных представлений о дискурсе и его связи с информационной войной как коммуникативным феноменом, указывает на то, что дискурсивный подход «расширяет» представления об информационной войне как об особой форме коммуникации и предполагает преимущественное изучение взаимосвязи языковых инструментов ведения информационного воздействия и экстралингвистических факторов [8, с. 29].

Когнитивный подход. На основании данного подхода можно определить информационную войну как «комплекс системного информационно-коммуникативного воздействия на когнитивную систему человека или группу людей, способный привести к изменениям в структуре индивидуального или массового сознания, картины мира и характере социальных отношений» [8, с. 29].

А. П. Сковородников, А. В. Колмогорова и Г. А. Копнина уделяют особое внимание информационно-психологической стороне информационного воздействия, для которой характерно «прежде всего языковое воздействие на сознание противника для его когнитивного подавления или подчинения» [9, с. 12].

Ю. А. Матвиенко считает, что информационно-психологическая война «представляет собой определенную методологию изменения картины мира противоположной стороны в заданном направлении» [12, с. 5]. Заметим, что именно картина мира определяется когнитивными процессами, состоящими в понимании окружающей действительности.

Отметим взгляд С. Н. Нефедева, который фокусирует внимание на информационном воздействии на когнитивные структуры. По его мнению, в основе такого воздействия находятся «две манипулятивные технологии: технология расширения рамок допустимого и технология смены контекста» [14, с. 34]. Задача первой технологии заключается в «легитимизации» элементов, изначально считавшихся невозможными в рамках концептуальной картины мира реципиента. Вторая технология – в изменении смыслового содержания константного текста. При умелом использовании обеих технологий концептуальная картина мира человека изменяется, что не может не отражаться на поведении реципиента.

Так, теоретические исследования свидетельствуют, что информационная война характеризуется воздействием на концептуальную картину мира человека и его когнитивные структуры. В ходе дискурсивной коммуникации в рамках информационной войны оказывается влияние на психику, мышление и, как следствие, социальное поведение человека.

Принимая во внимание научные наблюдения в области изучения информационной войны с позиции двух подходов, мы приходим к выводу о том, что в вопросе изучения информационной войны необходимо применять оба подхода одновременно. Таким образом, информационная война характеризуется информационным воздействием на концептуальную картину мира аудитории, которое осуществляется с помощью различных приёмов и методов в рамках определённого дискурса.

Лингвистическая модель информационной войны

Итак, теоретический анализ позволил заключить, что информационное воздействие отличается уровневой структурой и представляет собой когнитивно-дискурсивное явление. На основе сложившихся представлений о структуре информационной войны и лингвоцентрического взгляда на сущность информационной войны как когнитивно-дискурсивного явления нами была разработана организационная структура информационной войны, представленная в табл. 2.

Минимальной единицей воздействия в рамках информационной войны признаётся текст. При этом несколько темпорально и тематически объединённых текстов в совокупности с экстралингвистическими и прагматическими факторами их производства составляют дискурс. В рамках дискурса представляется возможным осуществление информационного воздействия посредством различных дискурсивных тактик (субстратегий) и стратегий, реализуемых за счёт совмещения текстовой и экстралингвистической информации и направленных на изменение или формирование мнения относительно того или иного события или субъекта. Дальнейшее воздействие на более высоком идеологическом уровне не исключает дискурсивного воздействия, но расширяется за счёт воздействия на концептуальные единицы, связанные с идеологией и культурой, то есть идеологемы, которые в рамках лингвистики информационной войны обычно определяются как «вербализованные понятия,

Таблица 2 / Table 2

Организационная структура информационной войны / Organizational structure of information war

Уровни ведения ИВ	Организационная форма	Цель
Стратегический	Когнитивная война	Изменение мировосприятия коммуниканта / группы коммуникантов и приведение их к такому виду (форме), который бы отвечал запросу инициатора. Внесение критических изменений в характеристики концепта. Длительный процесс, который может занимать десятилетия.
Оперативный	Культурно-идеологическая война	Внесение изменений в культурные и идеологические взгляды группы коммуникантов с целью изменения характеристик концептуальной области (части концептосферы). Реализуется с помощью блока текстов, имеющих конкретные культурные и идеологические воздействующие инструменты. Эффект достигается в течение относительно длительного периода времени (одно-два десятилетия).
Тактический	Дискурсивная война / организационная война	Изменение дискурсивных характеристик отдельно взятого концепта в сознании реципиента. Достигается благодаря использованию группы текстов, принадлежащих одному жанру и описывающих одну тему. Реализация возможна благодаря применению различных методов и подходов, определяемых коммуникативной тактикой. Достигается в течение периода до нескольких лет.
Инструментальный	Информационные вбросы, ложные сообщения, отдельные приёмы информационного воздействия	Получение ответной реакции на внешний информационный импульс-раздражитель, представленный в виде отдельно взятого текста (по принципу стимул-реакция). Реализуется в кратчайшие сроки, занимающие до нескольких дней.

Источник: составлено автором

характеризующееся семантической двусмысленностью, метафорической природой, высоким уровнем ассоциативности и двойной оценочной коннотацией» [13, с. 61]. Такой уровень воздействия направлен на изменение концептуальных основ идеологии и культуры. На стратегическом уровне воздействие затрагивает базовые когнитивные структуры, результатом чего является их полное или частичное изменение, то есть реконцептуализация базовых представлений человека об окружающем мире. Такое воздействие осуществляется постепенно с использованием большого количества текстов. Предполагается, что воздействие на каждом из уровней осуществляется не по отдельности, а одновременно, и со-

ответствует конечной главной цели информационной войны – изменение социально-поведенческих установок и основ менталитета.

Следует заметить, что потенциально любой текст может содержать в себе инструментарий, непосредственно воздействующий на концептуальную сферу, минуя при этом указанные в схеме уровни культурно-идеологической и дискурсивной войн. Таким образом, более наглядно это представлено на схеме, демонстрирующей модель информационного воздействия текстов информационной войны (см. рис. 3).

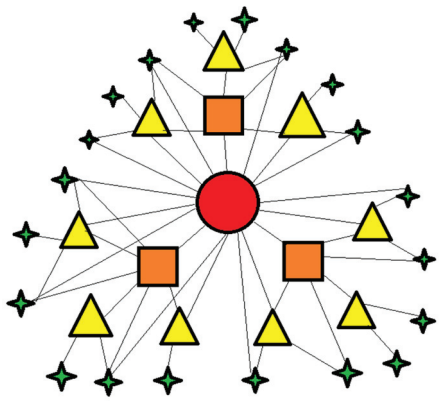

Рис. 3 / Fig. 3. Модель информационного воздействия с помощью текстов / Model of information influence with the use of texts

Источник: составлено автором

На схеме на рис. 3 зелёные звёзды представляют собой воздействующие тексты инструментального уровня, жёлтые треугольники составляют тематически объединённые дискурсы, оранжевые квадраты – идеологический и культурный компоненты, то есть идеологемы. В центре системы находится красный круг, который, имея центральное положение, схематически отображает так называемую «мишень информационного воздействия», актуализированную в качестве концепта.

Таким образом, в рамках исследования феномена информационной войны в качестве предмета изучения лингвистики, исходя из опыта научных изысканий А. П. Сковородникова, А. В. Колмогоровой, Г. А. Копниной, О. С. Иссерс и А. В. Манойло, нами предложена обновлённая структурная модель ведения информационной войны, которая отличается поликомпонентностью, динамичностью, открытостью, вероятностностью, гетерогенностью, непрерывностью, смешанностью и самоорганизацией. Динамическая модель информационной войны как когнитивно-дискурсивного явления включает много разноуровневых составных компонентов, при этом подчинённость их организации одной цели – стратегической цели – делает эту модель устойчивой. На наш взгляд, подобный подход позволяет системно анализировать дискурсы информационной войны, последовательно выявляя особенности информационного воздействия на разных уровнях «снизу вверх». Предложенная модель делает возможным через анализ языковых явлений выявлять дискурсивные тактики и стратегии, которые подчинены достижению одной стратегической цели – изменению концептуальной картины мира. Так, анализ конкретного текстового материала приводит к выявлению стратегических целей воздействия.

Пример анализа текста информационного воздействия

Далее представляется целесообразным продемонстрировать вышеописанные уровни системы на примере соответствующего языкового материала на китайском языке на примере статьи “多国盘点 2018 贸易战之伤” (*здесь и далее перевод наш (М. П.)*: Ущерб некоторых стран от торговой войны в 2018 году)[1]. Изучение текста проводился посредством комплексного подхода к лингви-

[1] 多国盘点 2018 贸易战之伤 // 环球网 [Электронный ресурс]. URL: https://baijiahao.baidu.com/s?id=1620967278698833316&wfr=spider&for=pc (дата обращения: 03.04.2022).

стическому анализу текстов информационной войны, который включает в себя: лингвопрагматический анализ (для единиц инструментального уровня), когнитивно-ориентированный критический дискурс-анализ (для выявления дискурсивных тактик, субстратегий и стратегий), лингвокогнитивный анализ (в целях описания мишеней воздействия на когнитивном уровне). Ниже приведём некоторые результаты анализа и соответствующие выводы.

На первом этапе при проведении лингвопрагматического анализа мы сконцентрировали внимание на рассмотрении значимой и наиболее частотной лексики, что позволило выделить нам несколько тематических блоков: общественно-политический, военный, прецизионная информация. В тексте представлено значительное количество лексики общественно-политического характера, а также финансово-экономической терминологии. Например: 经济 (экономика), 美国政府 (американское правительство), 股价 (стоимость акций), 企业总利润 (валовая прибыль предприятия), 消费品 (предметы широкого потребления), 财经 (финансово-экономический), 半导体 (полупроводники), 智能手机 (смартфон), 液晶显示屏 (ЖК-дисплей), 游戏 (игры), 网络 (интернет), 加息 (увеличение процентной ставки). Наличие лексических единиц этой группы очевидно объясняется тематикой анализируемого текста. Отметим, что для китайского текста на инструментальном уровне характерны метафоры, позволяющие концептуально переосмыслить существующие явления. Так, в выражении 以关税措施为大棒 (используя таможенные пошлины в качестве дубинки) мы наблюдаем сравнение таможенных пошлин с дубиной, что, безусловно, отражает желание понятным образом донести читателю мысль об использовании США экономических рычагов как оружия. Словосочетания 贸易交锋 (сражение на мечах в торговле в знач. «торговая война»), 预算之战 (война бюджетов) также отражают интенцию автора описать экономическое противостояние как сражение. Нельзя не отметить словосочетания с экономической терминологией 债务隐忧 (долговое скрытое беспокойство), 世界经济停滞的先兆 (предвестник застоя мировой экономики), 欧洲在混乱中 (Европа в смуте), в которых мы видим стремление автора передать «тревогу» (лексемы 隐忧, 先兆, 混乱) относительно происходящих событий, и тем самым, вероятно, через информирование о событиях предупредить о существующей опасности.

Лексика «военного» тематического блока представлена не большим, но тематически разнообразным количеством словоупотреблений. Например, 贸易战 (торговая война), 挑战 (провоцировать, бросать вызов), 伤害 (урон, нанести урон), 挑拨 (провоцировать), 冲击 (удар, ударять), 损失 (потери, понести потери, убытки), 造成进一步打击 (нанести последующий удар), 预算之战 (война бюджетов). Вероятно, это объясняется попыткой реконцептуализации торгово-экономических отношений как одного из видов противостояния сторон, похожего на конвенциональную войну. Такое умозаключение подтверждается качественным анализом употреблений военной лексики, которая используется для метафорической репрезентации последствий происходящих в экономике событий, например: “贸易战年”为经济带来的冲击” (торговая война стала ударом для мировой экономики). В данном примере мы видим, что экономика становится объектом «атаки». На наш взгляд, использование военной лексики в экономической сфере отражает интенцию автора передать серьёзность происходящих событий. Концептуальный перенос вопросов экономики в сферу войны, в частности сопоставление средств экономического воздействия с сугубо военными методами (атака, удар), позволяет автору статьи продемонстрировать, что торговая война также значима и серьёзна по последстви-

ям, как и война конвенциональная, таким образом, сообщение несёт в себе предупреждающую функцию.

Исследованный текст отличается также обилием фактологической лексики и прецизионной информации, о чём свидетельствует наличие целого ряда ссылок на информационные издания, включая 纽约时报 (The New York Times), 华盛顿邮报 (The Washington Times), 商报 (The Economist), 中央日报 (Чунан Ильбо), 朝鲜日报 (Чосон Ильбо), и на отдельные личности, например президента США Д. Трампа. Также замечено большое количество числовых статистических показателей, связанных с датами, динамикой экономических процессов и объёмом денежных средств, что в целом указывает на аналитический характер текста, например: 今年……减少98亿美元，降至657亿美元，比2017年下降13% (в этом году … сократилось на 9,8 млрд долларов, опустившись до 65,7 млрд долларов, по сравнению с 2017 годом упало на 13%), или "2018年……增长率为1.5%，低于此前预计的2%" (в 2018 году рост составил 1,5%, ниже планируемого ранее на 2%). Наличие подобных средств позволяет судить о стремлении автора сделать свой текст более убедительным за счёт фактологической и аналитической информации и повысить его суггестивные свойства с помощью объективной обоснованности суждений.

Краткий композиционный анализ текста показывает, что он чётко разбит на микротемы, на что указывает наличие в нём тематических подзаголовков: "大豆和股市令美国心累" (Соя и рынок акций заставляет США поволноваться), "欧洲在混乱中缓和增长" (Европа постепенно набирает темп роста в условиях смуты), "韩国"蒙上"衰退阴影" (Корею «накрыло тенью» экономического спада). Такая структура добавляет тексту дискретности и упрощает его восприятие, поскольку фокусирует внимание на содержательно незначительных темах, которые вместе при этом собираются в одну главную тему статьи.

Также нельзя не отметить использование в тексте словосочетаний в кавычках, которые в данном случае выражают некоторую насмешку, иронию, высмеивание предмета речевого высказывания. Например, 美国政府推行以"关税大棒"为代表的"美国优先"原则 (Американское правительство продвигает принцип «Американского превосходства» за счёт показательного использования метода «дубинки таможенных пошлин»). В данном случае благодаря метафоре, в которой таможенные пошлины сравниваются с дубинкой, а также использования понятия «американского превосходства» достигается эффект отождествления, цель которого состоит в формировании у реципиента особого взгляда, согласно которому «американское превосходство» равно «дубинке таможенных пошлин». Иначе говоря, предпринимается попытка объяснить, что превосходство США обеспечивается за счёт насилия над другими странами, которое предаётся ироничному вниманию читателя. Такая метафора, вероятно, обладает сильным эмотивным воздействием, поскольку несёт в себе ассоциацию с болью, которую может повлечь применение физической силы и, как следствие, со страхом за испытание такой боли. Вероятно, прагматическая установка использования такого приёма может заключаться в обвинении противника, а за счёт аналитических данных такое обвинение приобретает обоснованный характер.

Ранее мы уже отметили, что исследуемый текст наполнен цитатами текстов западных СМИ, включая 纽约时报 (The New York Times), 华盛顿邮报 (The Washington Times), 商报 (The Economist). Кроме того, в некоторых его частях наблюдается последовательное и логическое развитие мысли, о чём говорят следующие вводные конструкции: 一是，二是 (во-первых, во-вторых); 首先，其次，最后 (прежде всего, далее, в конце концов). Такой приём позволяет усилить логичность и убедительность текстового произведения.

В рамках лингвопрагматического анализа нами были использован метод комплексного анализа метафоричности дискурса (МКАМД) [7, с. 270–279], который показал, что изученный текст с позиций анализа метафоричности можно считать умеренно-воздействующим или информационно-воздействующим, что также подтверждается контекстологическим анализом, в ходе которого было выявлено обилие фактологической и прецизионной информации. Также текст соотносится с эмоционально-оценочным воздействием, что подтверждает качественный анализ. Обилие милитарных метафор призвано воздействовать на эмоциональную сферу реципиента, вызвать мгновенную оценку ситуации, основанную на чувствах, а не только на осмыслении. Соединение концептуальных областей экономики и войны, что является наиболее частотным метафорическим переносом в исследуемом тексте, не способствует пониманию сути экономических процессов и связано с интенцией оценивания с позиций эмоций и чувств.

По итогам проведения анализа мы можем сделать вывод, что исследуемый текст относится к разряду информационно-воздействующих, где основной особенностью является логичное, аргументированное изложение фактического материала с использованием статистики и сравнений, призванное аргументированно убедить через объяснение и сравнение. При этом умеренно выраженный уровень употребления военной лексики, высокий уровень образности и метафоричности осмысления экономической сферы позволяет также отметить эмоционально-оценочное трансформационное воздействие. Отметим, что основными объектами образности являлись именно экономические явления, и этот факт, подтверждаемый текстологическим анализом, свидетельствует, что автор изученного текста стремится наполнить несколько новым содержанием понимание происходящих экономических процессов, а также воздействовать на эмоции. При этом мы, безусловно, понимаем, что основной темой исследуемого новостного сообщения является экономическая политика США и результаты её влияния на мировую обстановку. В этой связи полагаем целесообразным рассмотреть, какими прагматическими установками обладает данный текст. Это становится возможным благодаря выявлению отдельных коммуникативных тактик и стратегий.

Анализируя текст с точки зрения использования в нём тактик коммуникативного воздействия, мы наблюдаем признаки использования ***тактики обвинения***, например: “全球经济遭遇来自美国的重大挑战，特朗普政府在全球范围内挑起贸易争端” (Мировая экономика испытала на себе большой удар, пришедший из США, правительство Трампа спровоцировало торговые противоречия в мировых масштабах), где называется причина обострения конфликта сторон, продиктованная действиями администрации и президента США; ***тактики привлечения внимания реципиента через запугивание***, пример: “如果中美贸易战进一步恶化，两国间商贸往来的缩减将对包括韩国在内的全球消费心理造成进一步打击” (Если торговые отношения США и Китая продолжат ухудшаться, сокращение торгово-экономических отношений обеих стран станет ударом по потребительской психологии стран мира, включая Южную Корею), где с помощью примера Южной Кореи неявно указывается на существование негативной динамики, которая может привести к пагубным изменениям во всём мире, что имеет эффект устрашения и (или) запугивания реципиента с целью мобилизации его внимания к сложившейся ситуации. Данные примеры не единичны в тексте и носят системный характер.

Обобщив выявленные тактики и средства инструментального уровня, допускаем, что они являются отражением одной общей ***субстратегии предупреж-***

дения и диффамации. Эти субстратегии призваны предупредить реципиента о существующей угрозе, привести его психоэмоциональное состояние к готовности встречать новые угрозы.

Это свидетельствует о вероятной реализации ***стратегии активной обороны***, которая объясняется стремлением к обоснованию вынужденного характера своих действий в ответ на экономически и вербально выраженные агрессивные действия извне, опровержение диффамирующих высказываний со ссылкой на СМИ противника, фокусирование негативного внимания реципиента на «слабых местах» информационной повестки противника. Такие наблюдения приводят нас к мысли о вероятности реконцептуализации мишени информационного воздействия в сознании массового реципиента, выраженной в формировании негативного отношения жителей Китая к США, а также пониманию экономики как одного из видов противостояния, производной конвенциональной войны.

С учётом оборонительного характера информационного воздействия, выявленного в данном тексте, были определены основные концепты-мишени: «торгово-экономические отношения», «Америка» и «Китай». Целью информационного воздействия является реконцептуализация этих концептов, которая должна привести к пониманию торгово-экономических отношений как одной из форм противостояния, форм конвенциональной войны, в которой Америка является источником экономических проблем в мире, как заметил автор избранной для анализа статьи, выступает в качестве «полицейского с дубинкой», имеющего угрожающий образ. В то же время Китай, как и другие страны, выступает в роли предмета агрессивных действий Америки и, как следствие, вынужден защищаться, для чего и проводятся подготовительные меры. Таким образом, можно констатировать, что торгово-экономические отношения выступают одним из компонентов гибридной войны, где США – опасный и агрессивный противник, представляющий реальную угрозу, а Китай – участник войны, в которой необходимо защититься от агрессии Америки. Языковой составляющей в данном случае отводится роль медиатора, говоря метафорически, «оружия», призванного оказать воздействие на стороны конфликта, что и положено в основу описанной в статье модели.

Заключение

Таким образом, можем судить о сформированном взгляде на лингвистическую модель информационной войны, рассматриваемой в качестве когнитивно-дискурсивного феномена. Изучение и синтез накопленного научного опыта когнитивного и дискурсивного подходов подтверждает обоснованность нашего вывода о когнитивно-дискурсивной природе информационной войны. Междисциплинарный характер исследования обусловливает необходимость изучения информационной войны с учётом знаний, накопленных в сопредельных научных областях. Применительно к организационной структуре в разных областях научного знания нами обнаружены общие черты, которые позволили предложить обновлённый взгляд на модель информационной войны с позиции лингвистики, расширив его «уровневое» понимание. Информационная война характеризуется воздействием на концептуальную картину мира посредством комплексного и одновременного информационного воздействия с помощью методов и приёмов, дискурсивных тактик и стратегий, свойственных каждому уровню: инструментальному, тактическому, оперативному, стратегическому. Апробация предложенной модели информационной войны была проведена на примере анализа текста. В ходе анализа были выявлены языковые единицы воздействия свойственные каждому описанному уровню. Дальнейшее изучение функционирования такой системы на

каждом уровне позволит глубже понять её механизмы и более эффективно выстраивать алгоритмы информационного воздействия на аудиторию. Кроме того, выявление соответствующих закономерностей и построение рабочих моделей анализа может способствовать развитию нейросетевых технологий.

Дата поступления в редакцию 24.05.2023

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н. Д. Метафора и дискурс: теория метафоры. М.: Прогресс, 1990. 296 с.
2. Ван Дейк Т. Язык. Познание. Коммуникация. М.: Прогресс, 1989. 302 с.
3. Зарипов Р. И. О некоторых особенностях языка информационно-психологической войны в политическом дискурсе // Учёные записки национального общества прикладной лингвистики. 2022. № 4. С. 41–57.
4. Зарипов Р. И. О соотношении речевого и информационно-психологического воздействия // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2023. № 2. С. 54–61. DOI: 10.18384/2310-712X-2023-2-54-61.
5. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи; 5-е изд. М.: Издательство ЛКИ, 2008. 288 с.
6. Калинин О. И. Основы лингвопрагматического исследования политического имиджа. М.: ООО «Издательство «КноРус», 2018. 148 с.
7. Калинин О. И. Функциональный потенциал метафоры в дискурсе: дисс. … докт. филол. наук. М., 2022. 480 с.
8. Калинин О. И., Приходько М. В. Информационная война: коммуникативный, дискурсивный, когнитивный и культурно-идеологический аспекты // Военно-филологический журнал. 2023. № 1. С. 23–36.
9. Колмогорова А. В. Сковородников А. П., Копнина Г. А. Лингвистика информационно-психологической войны. Книга 1. Красноярск: СФУ, 2017. 212 с.
10. Коцюбинская Л. В. Понятие «информационная война» в современной лингвистике: новые подходы // Политическая лингвистика. 2015. № 4 (54). С. 93–96.
11. Манойло А. В. Информационные войны и психологические операции. Руководство к действию. М.: Горячая линия–Телеком, 2021. 496 с.
12. Матвиенко Ю. А. Информационно-психологическая война как одна из форм разрешения социально-политических противоречий в современном обществе // Информационные войны. 2008. № 4 (8). С. 2–8.
13. Михайловская М. В. Идеологема как инструмент семантического манипулирования: «демократия» // Учёные записки национального общества прикладной лингвистики. 2022. № 4 (40). С. 58–69.
14. Нефедев С. Н. Когнитивно-коммуникативные аспекты информационных войн // Гуманитарные проблемы военного дела. 2020. № 4. С. 26–36.
15. Синельникова Л. Н. Информационная война ad infinitum: украинский вектор // Политическая лингвистика. 2014. № 2 (48). С. 95–101.
16. Финская Т. Е. Языковые средства ведения кибервойны в современном французском медиадискурсе // Учёные записки национального общества прикладной лингвистики. 2022. № 4. С. 69–77.

REFERENCES

1. Arutyunova N. D. *Metafora i diskurs: teoriya metafory* [Metaphor and discourse: the theory of metaphor]. Moscow, Progress Publ., 1990. 296 p.
2. Van Dijk T. *Yazyk. Poznaniye. Kommunikatsiya* [Language. Cognition. Communication]. Moscow, Progress Publ., 1989. 302 p.
3. Zaripov R. I. [On some peculiarities of the information-psychological warfare language in political discourse]. In: *Uchonyye zapiski natsional'nogo obshchestva prikladnoy lingvistiki* [Proceedings of National Association of Applied Linguistics], 2022, no. 4, pp. 41–57.
4. Zaripov R. I. [On the correlation of verbal and information-psychological impact]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics], 2023, no. 2, pp. 54–61. DOI: 10.18384/2310-712X-2023-2-54-61.

5. Issers O. S. *Kommunikativnyye strategii i taktiki russkoy rechi* [Communication strategies and tactics of Russian speech]. Moscow, LKI Publ., 2008. 288 p.
6. Kalinin O. I. *Osnovy lingvopragmaticheskogo issledovaniya politicheskogo imidzha* [Fundamentals of linguo-pragmatic research of political image]. Moscow, «KnoRus» Publ., 2018. 148 p.
7. Kalinin O. I. *Funktsional'nyy potentsial metafory v diskurse: diss. … dokt. filol. nauk* [Functional potential of metaphor in discourse: D. thesis in Philological Sciences]. Moscow, 2022. 480 p.
8. Kalinin O. I., Prikhodko M. V. [Information war: communicative, discourse, cognitive and cultural-ideological aspects]. In: *Voyenno-filologicheskiy zhurnal* [Military Philological Journal], 2023, no. 1, pp. 23–36.
9. Kolmogorova A. V. Skovorodnikov A. P., Kopnina G. A. *Lingvistika informatsionno-psikhologicheskoy voyny. Kniga 1* [Linguistics of information-psychological warfare. Book 1]. Krasnoyarsk, Siberian Federal University Publ., 2017. 212 p.
10. Kotsyubinskaya L. V. [The term "information warfare" in modern linguistics: prospects and approaches]. In: *Politicheskaya lingvistika* [Political linguistics], 2015, no. 4 (54), pp. 93–96.
11. Manoylo A. V. *Informatsionnyye voyny i psikhologicheskiye operatsii. Rukovodstvo k deystviyu* [Information wars and psychological operations. Guide to action]. Moscow, Goryachaya liniya–Telekom Publ., 2021. 496 p.
12. Matviyenko Yu. A. [Information and psychological warfare as one of the forms of resolving socio-political contradictions in modern society]. In: *Informatsionnyye voyny* [Information wars], 2008, no. 4 (8), pp. 2–8.
13. Mikhaylovskaya M. V. [An ideologically-bound unit as an instrument of semantic manipulation: "democracy"]. In: *Uchonyye zapiski natsional'nogo obshchestva prikladnoy lingvistiki* [Proceedings of National Association of Applied Linguistics], 2022, no. 4, pp. 58–69.
14. Nefedev S. N. [Cognitive and communicative aspects of information wars]. In: *Gumanitarnyye problemy voyennogo dela* [Humanitarian problems of military affairs], 2020, no. 4, pp. 26–36.
15. Sinelnikova L. N. [Information warfare ad infinitum: Ukrainian way]. In: *Politicheskaya lingvistika* [Political linguistics], 2014, no. 2 (48), pp. 95–101.
16. Finskaya T. Ye. [Linguistic means of cyber warfare in modern French media discourse]. In: *Uchonyye zapiski natsional'nogo obshchestva prikladnoy lingvistiki* [Proceedings of National Association of Applied Linguistics], 2022, no. 4, pp. 69–77.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Приходько Марк Владимирович – адъюнкт, кафедра английского языка (второго) Военного университета имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации;
e-mail: marko007@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Mark V. Prikhodko – Adjunct, Department of English (The Second Foreign Language), Military University of Defense Ministry of the Russian Federation;
e-mail: marko007@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Приходько М. В. Лингвистическая модель информационной войны: структурные элементы и уровни воздействия // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2023. № 3. С. 57–71.
DOI: 10.18384/2310-712X-2023-3-57-71

FOR CITATION

Prikhodko M. V. Linguistic model of information war: structural elements and impact levels. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 2023, no. 3, pp. 57–71.
DOI: 10.18384/2310-712X-2023-3-57-71